

О проблеме разграничения принципа наиболее тесной связи и обычных коллизионных норм

Аннотация. Исследуется тонкая грань между применением принципа наиболее тесной связи в качестве общей резервной коллизионной привязки и решением коллизионного вопроса на основании коллизионных норм, содержащихся в обычаях, признаваемых в Российской Федерации. Предлагается в отсутствие обычая, однозначно признанного согласно п. 1 ст. 1186 ГК РФ, обращаться к принципу наиболее тесной связи согласно п. 2 той же статьи. Выдвинутое предложение обосновывается сложностью формирования коллизионной нормы в форме обычая, так как она фактически не реализуется в регулятивных правоотношениях. Автор выявляет замкнутый круг, в котором в точном соответствии с п. 1 ст. 1186 ГК РФ условием применения коллизионной нормы в форме обычая выступает ее признание в Российской Федерации, которое она не может получить в отсутствие применения. При этом особое внимание при определении наиболее тесной связи уделяется допустимости опоры на признанные в международных документах (рекомендательных актах и не ратифицированных Российской Федерацией, в том числе не вступивших в силу, международных договорах) территориальные связи, если таковые отвечают специфике конкретного отношения.

Ключевые слова: принцип наиболее тесной связи; общая резервная коллизионная привязка; территориальная связь; коллизионная норма; коллизионная привязка; обычай; обычай, признаваемый в Российской Федерации; коллизионно-правовое регулирование; коллизионное право; международное частное право.

Для цитирования: Новикова Т. В. О проблеме разграничения принципа наиболее тесной связи и обычных коллизионных норм // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6. — С. 140–148. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.140-148.

On the Problem of Distinguishing between the Closest Connection Principle and Basic Conflict of Laws Rules

Tatyana V. Novikova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of the North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice
ul. Levanevskogo, d. 187/1, Krasnodar, Russia, 350002
tnovikova@inbox.ru

Abstract. The fine line is explored between the application of the closest connection principle as a general gap-filling conflict of laws rule and the solution the related issue based on conflict of laws rules contained in the customs recognized in the Russian Federation. In the absence of a custom, unambiguously recognized in accordance with

© Новикова Т. В., 2021

* Новикова Татьяна Васильевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия ул. Леваневского, д. 187/1, г. Краснодар, Россия, 350002
tnovikova@inbox.ru

paragraph 1 of Art. 1186 of the Civil Code of the Russian Federation, the author offers to refer to the closest connection principle in accordance with paragraph 2 of the same article. This proposal is justified by the complexity of the formation of a conflict of laws rule in the form of a custom, since it is not actually implemented in regulatory legal relations. The author reveals a vicious circle in which, in strict accordance with paragraph 1 of Art. 1186 of the Civil Code of the Russian Federation, the condition for the application of a conflict of laws rule in the form of custom is its recognition in the Russian Federation, which it cannot receive in the absence of application. At the same time, when determining the closest connection, special attention is given to the admissibility of reliance on territorial ties recognized in international documents (recommendatory acts and international treaties not ratified by the Russian Federation, including those that have not entered into force), if they correspond to the specifics of a particular relationship.

Keywords: closest connection principle; general gap-filling conflict of laws rule; territorial link; conflict of laws rule; connecting factor; custom; custom recognized in the Russian Federation; conflict of laws; international private law.

Cite as: Novikova TV. O probleme razgranicheniya printsipa naibolee tesnoy svyazi i obychnykh kollizionnykh norm [On the Problem of Distinguishing between the Closest Connection Principle and Basic Conflict of Laws Rules]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(6):140-148. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.140-148. (In Russ., abstract in Eng.).

Постановка проблемы

Принцип наиболее тесной связи в качестве общей резервной коллизионной привязки установлен пунктом 2 ст. 1186 ГК РФ¹, который в совокупности с п. 1 указанной статьи гласит, что если на основании международных договоров РФ, ГК РФ, других законов и обычаев, признаваемых в Российской Федерации, невозможно определить применимое право, «применяется право страны, с которой гражданско-правовое отношение, осложненное иностранным элементом, наиболее тесно связано». В специальной литературе особо подчеркивается, что данное положение составило значимую новеллу отечественного законодательства о международном частном праве².

Вместе с тем представляется чрезвычайно сложным с практической точки зрения вопрос разграничения между решением коллизионного вопроса на основании принципа наиболее тес-

ной связи и таким же решением на основании коллизионных норм, которые содержатся в обычаях, признаваемых в Российской Федерации. Суть проблемы состоит в том, что в отсутствие для какого-либо отношения коллизионной нормы в международных договорах РФ, ГК РФ и других законах суд, в соответствии с п. 1–2 ст. 1186 ГК РФ, должен попытаться установить наличие коллизионных норм в обычаях, признаваемых в Российской Федерации, и в случае отсутствия таковых обратиться к принципу наиболее тесной связи.

О коллизионных нормах в обычаях, признаваемых в Российской Федерации

Однако формирование обычая именно как источника коллизионных (не материальных) норм осложняется тем, что обычай, как пишет Г. И. Муромцев, есть «правило поведения, сло-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

² См., например: Ерпылева Н. Ю. Понятие, предмет и система международного частного права // Адвокат. 2004. № 6–9 ; Ерпылева Н. Ю., Гетьман-Павлова И. В. Проблемы кодификации российского законодательства по международному частному праву // Адвокат. 2008. № 1 ; Кудашкин В. В. Принцип тесной связи в международном частном праве // СПС «КонсультантПлюс», 2004 ; Кудашкин В. В. Принцип тесной связи в международном частном праве: теория и практика // Законодательство и экономика. 2004. № 9.

жившееся вследствие *фактического его применения* в течение длительного времени»³ (курсив наш. — Т. Н.). В том же ключе обычай определяется и в гражданском праве Российской Федерации. В частности, пункт 1 ст. 5 ГК РФ гласит: «Обычаем признается *сложившееся и широко применяемое* в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило *поведения*»⁴ (курсив наш. — Т. Н.).

Следовательно, обычай способен сформироваться в рамках регулятивного правоотношения в ходе взаимодействия его субъектов. Понятие регулятивного правоотношения мы используем в контексте деления правоотношений на регулятивные и охранительные, которое имеет истоки в трудах С. А. Муромцева⁵, получило распространение в советской юриспруденции⁶ и сохраняет сторонников в современной правовой науке⁷. При этом мы стоим на позиции, в соответствии с которой «коллизийное право нацелено на реализацию в охранительных правоотношениях»⁸.

Так, одно из определений коллизийной нормы, классических для современной отечественной литературы, дает Г. К. Дмитриева. Правовед пишет: «Коллизийная норма — это норма, *определяющая, право* какого государства должно быть применено к данному частноправовому отношению, осложненному иностранным элементом»⁹ (курсив наш. — Т. Н.). Следовательно, коллизийная норма не регулирует по существу частноправовые отношения международного характера, а указывает, правом какой страны надлежит их регулировать. В этом качестве она адресована правоприменителю и непосредственно реализуется только в ходе правоприменительного (в первую очередь судебного) процесса.

Безусловно, содержание коллизийных норм имеет «справочное» значение, позволяющее субъектам международного частного права с определенной долей вероятности прогнозировать развитие складывающихся между ними отношений, а также исход дела в случае возникновения спора и обращения к правопримени-

³ Проблемы общей теории права и государства : учебник / под ред. В. С. Нерсисянца. М. : Норма: Инфра-М, 2010. С. 292 (автор гл. 12 — Г. И. Муромцев).

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁵ Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М. : Юрайт, 2020. С. 62.

⁶ См.: Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1955. С. 91–92 ; Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1961. С. 193–194 ; Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права / под ред. О. Я. Баева. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1990. 136 с.

⁷ См.: Асланян Н. П. Некоторые вопросы теории охранительных правоотношений // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы 3-й Ежегодной международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 19–20 сентября 2014 г.) / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. Иркутск : Издательство БГУЭП, 2014. С. 7–18 ; Она же. О состоянии теории охранительных правоотношений // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы 4-й Ежегодной международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 20 марта 2015 г.) / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. Иркутск : Издательство БГУЭП, 2015. С. 7–16 ; Она же. Развитие теории охранительного права // Эффективность права: проблемы теории и практики : материалы Международной научно-практической конференции (г. Краснодар, 10–11 октября 2014 г.). Краснодар : Кубанский государственный университет, 2014. С. 868–878.

⁸ См. более подробно: Новикова Т. В. К вопросу об охранительных правоотношениях в международном частном праве // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы 5-й Ежегодной международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 21 мая 2016 г.) / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. Иркутск : Издательство БГУ, 2017. С. 148–157.

⁹ Международное частное право : учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой. М. : Проспект, 2016. С. 113.

телю. Вместе с тем в отличие от механизма применения регулятивных норм, устанавливающих определенное правило поведения, механизм применения коллизионных норм характеризуется значительной подвижностью.

В данном отношении ярким примером может выступить предусмотренная в ст. 1191 ГК РФ процедура установления содержания иностранного права. Согласно п. 2 ст. 1191 ГК РФ в том случае, когда подлежащая применению коллизионная норма указывает на необходимость регулировать отношение по существу правом иностранного государства, суд в целях установления содержания его норм может обратиться за содействием и разъяснением в Министерство юстиции РФ «и иные компетентные органы или организации в Российской Федерации и за границей либо привлечь экспертов». Однако пункт 3 той же статьи допускает, что в случае, «если содержание норм иностранного права, несмотря на предпринятые... меры, в разумные сроки не установлено, применяется российское право». Таким образом, противоречия в поступающей информации о содержании норм иностранного права или ее недостаток, а равно сбои в работе компетентных органов могут привести к тому, что коллизионная норма, подлежащая применению в конкретном деле, будет отклонена судом. Кроме того, существенные коррективы в ходе применения установленной коллизионной нормы могут быть вызваны и такими институтами международного частного права, как взаимность (ст. 1189 ГК РФ), нормы непосредственного применения (ст. 1192 ГК РФ), оговорка о публичном порядке (ст. 1193 ГК РФ), реторсии (ст. 1194 ГК РФ).

В свете изложенного отметим, что неслучайно в международном частном праве речь ведется в первую очередь о международных

торговых обычаях¹⁰, которые содержат материальные, но не коллизионные правила.

Вместе с тем в соответствии с п. 1 ст. 1186 ГК РФ применимое право определяется в том числе на основании «обычаев, признаваемых в Российской Федерации». При этом единственным способом формирования обычая является его применение, а применение коллизионной нормы возможно только правоприменителем, который, в свою очередь, не сможет ее применить до признания в Российской Федерации. Как видим, образуется замкнутый круг, потому что обязательным условием применения коллизионной нормы в форме обычая выступает ее признание в Российской Федерации, которое она не может получить в отсутствие применения.

Безусловно, в данной ситуации перспективно было бы говорить о международном признании, апеллируя к коллизионным нормам рекомендательных актов и не ратифицированных Российской Федерацией (в том числе не вступивших в силу) международных договоров. А. В. Асосков указывает, что подобная тенденция наблюдается в международном коммерческом арбитраже: «многие составы арбитража обращаются к общим принципам коллизионного регулирования», при этом «для определения таких общих принципов привлекаются акты международного характера, в том числе не вступившие в силу», вне зависимости от участия или неучастия «в той или иной конвенции стран, имеющих объективные связи со спором»¹¹.

Однако, во-первых, это не будет в точности соответствовать тексту п. 1 ст. 1186 ГК РФ, указывающему на обычаи, признаваемые в Российской Федерации, и, во-вторых, обоснование международным признанием каждого нового коллизионного обычая потребует широкомасштабного правового анализа и повлечет серь-

¹⁰ См., например: *Зыкин И. С.* Обычаи и обыкновения в международной торговле // Юридические аспекты осуществления внешнеэкономических связей : Труды кафедры международного частного и гражданского права / Московский государственный институт международных отношений. М., 1979. С. 55–63 ; *Рамзайцев Д. Ф.* О значении обычаев в международной торговле // Внешнеторговые обычаи : материалы к заседанию секции права Всесоюзной торговой палаты. М. : Типография Всесоюзной торговой палаты, 1957. С. 3–7.

¹¹ *Асосков А. В.* Коллизионное регулирование договорных обязательств. М. : М-Логос, 2017. С. 542.

езные последствия для последующей правоприменительной практики, так как в отличие от принципа наиболее тесной связи, обеспечивающего решение коллизионного вопроса в конкретном случае, признание коллизионной нормы в форме обычая будет равноценно рождению нового источника коллизионного права, подразумеваемого к применению во всех подобных случаях.

О принципе наиболее тесной связи как общей резервной коллизионной привязке

С учетом изложенного мы предлагаем для отношений, не нашедших коллизионно-правового регулирования в международных договорах РФ, ГК РФ и других законах, *по общему правилу* не изыскивать коллизионный обычай в множестве источников различного характера, а определять применимое право на основании принципа наиболее тесной связи в качестве общей резервной коллизионной привязки. При этом особенно важно указать, что для выявления и оценки территориальных связей, наиболее значимых с учетом специфики конкретного отношения, зачастую могут использоваться как раз те коллизионные привязки, которые получили при-

знание на уровне международных документов, не имеющих силы для Российской Федерации.

При таком подходе разграничение между принципом наиболее тесной связи как общей резервной коллизионной привязкой и обычными коллизионными нормами будет весьма тонким. Например, для определения права, применимого к трасту, из-за отсутствия в отечественном международном частном праве подходящих коллизионных норм В. А. Канашевский обоснованно предлагает использовать принцип наиболее тесной связи как общую резервную коллизионную привязку (п. 2 ст. 1186 ГК РФ). При этом автор также отмечает, что «в качестве руководства для определения тесной связи траста с каким-либо правопорядком российские суды могут использовать положения Гаагской конвенции о праве, применимом к трастам, и о признании трастов»¹². Несмотря на то что Российская Федерация не является участником этой Конвенции¹³, по мнению правоведа, «ее положения... в определенном смысле могут рассматриваться в качестве обычая, о котором идет речь в п. 1 ст. 1186 ГК РФ»¹⁴.

Показательным в данном отношении примером практики судов Российской Федерации выступает постановление Федерального арбитражного суда Московского округа¹⁵, в котором

¹² Ученый заявляет, что в большинстве случаев правом страны, с которой траст наиболее тесно связан, выступает право той страны, в которой траст был создан; а в отсутствие сведений о месте создания траста во внимание следует принимать другие факторы и обстоятельства (см.: Канашевский В. А. Концепция бенефициарной собственности в российской судебной практике (частноправовые аспекты) // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 27–38 ; Он же. О праве, применимом к офшорным трастам, и об их признании // Закон. 2013. № 4. С. 63–67).

¹³ Convention on the Law Applicable to Trusts and on their Recognition of 1 July 1985 // Официальный сайт Гаагской конференции по международному частному праву. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=59> (дата обращения: 20.07.2020).

Указанная Конвенция была разработана Гаагской конференцией по международному частному праву, вступила в силу 1 января 1992 г. и насчитывает 14 участников. Российская Федерация участником Конвенции не является (Convention of 1 July 1985 on the Law Applicable to Trusts and on their Recognition: Status Table // Официальный сайт Гаагской конференции по международному частному праву. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=59> (дата обращения: 20.07.2020)).

¹⁴ Канашевский В. А. Концепция бенефициарной собственности в российской судебной практике (частноправовые аспекты).

¹⁵ Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 07.09.2010 № КА-А40/10355-10 по делу № А40-20664/08-114-78 // СПС «КонсультантПлюс».

суд, определяя право, применимое к «возникновению исключительного права на объекты интеллектуальной собственности (включая программы для ЭВМ)», констатировал отсутствие подходящих коллизионных норм в международных договорах и законодательных актах РФ, а равно отсутствие обычаев по данному вопросу и на этом основании обратился к положению п. 2 ст. 1186 ГК РФ, устанавливающему принцип наиболее тесной связи в качестве общей резервной коллизионной привязки. При этом, что особенно важно, выявляя страну, с которой рассматриваемое отношение наиболее тесно связано, суд обратил внимание на ст. 3 Конвенции по охране литературных и художественных произведений¹⁶, называющую «признак создания произведения автором, который связан с определенной страной гражданством или местом постоянного жительства... в качестве первого основания правовой охраны произведения (включая программы для ЭВМ)». Как следствие, суд пришел к выводу, что «страной, с которой отношение наиболее тесно связано, применительно к возникновению исключительного права на объекты интеллектуальной собственности (включая программы для ЭВМ) следует считать страну гражданства или места жительства авторов».

Большое значение имеет то, что хотя Российская Федерация присоединилась к Конвенции по охране литературных и художественных произведений¹⁷, Договор ВОИС по авторскому праву¹⁸, ст. 5 которого распространила на компьютерные программы правовой режим охраны литературных произведений, предписанный Конвенцией по охране литературных и художественных про-

изведений, вступил в силу для Российской Федерации 5 февраля 2009 г.¹⁹ — позже создания рассматриваемых объектов интеллектуальной собственности (в данном деле предметом обжалования было решение инспекции ФНС России, которое было вынесено 11 февраля 2008 г. в связи с деятельностью «налогоплательщика по созданию программ для ЭВМ»). Следовательно, именно в анализируемом деле для правоотношения, связанного с возникновением «исключительного права на объекты интеллектуальной собственности (включая программы для ЭВМ)», положения Конвенции по охране литературных и художественных произведений (в том числе ст. 3) не имели юридической силы, а значит, использовались судом как признанный на международном уровне свод критериев правовой охраны произведения, позволивший сделать вывод о его наиболее значимой территориальной связи для целей применения п. 2 ст. 1186 ГК РФ.

Примечательно, что в другом случае Суд по интеллектуальным правам, определяя право, применимое к отношениям, связанным «с установлением правообладателя программного обеспечения», и опираясь для этой цели на п. 2 ст. 1186 ГК РФ, при выявлении наиболее значимой территориальной связи отклонил положение ст. 3 Конвенции по охране литературных и художественных произведений именно по причине того, что оно не имело юридической силы в отношении рассматриваемых компьютерных программ (так как они были созданы позднее распространения на них правового режима указанной Конвенции), и обратился к презумптивному определению принципа наиболее тесной связи в договорных правоотношениях,

¹⁶ Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (г. Берн) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.

¹⁷ Постановление Правительства РФ от 03.11.1994 № 1224 «О присоединении Российской Федерации к Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений в редакции 1971 года, Всемирной конвенции об авторском праве в редакции 1971 года и дополнительным Протоколам 1 и 2, Конвенции 1971 года об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм» // СЗ РФ. 1994. № 29. Ст. 3046.

¹⁸ Договор ВОИС по авторскому праву от 20.12.1996 (г. Женева) // Бюллетень международных договоров. 2016. № 12.

¹⁹ Распоряжение Правительства РФ от 21.07.2008 № 1052-р «О присоединении Российской Федерации к Договору ВОИС по авторскому праву от 20.12.1996» // СЗ РФ. 2008. № 30 (ч. II). Ст. 3677.

имевшему место в первоначальной редакции ст. 1211 ГК РФ²⁰.

Основные выводы

В результате проведенного анализа следует заключить, что действительная грань между применением коллизионной нормы в форме обычая и опорой в рамках принципа наиболее тесной связи как общей резервной коллизионной привязки на территориальные связи, выступающие привязками коллизионных норм в признанных на международном уровне документах, является чрезвычайно тонкой.

Тем не менее, принимая во внимание положение п. 1 ст. 1186 ГК РФ, указывающее на

обычаи, признаваемые в Российской Федерации, сложность признания коллизионной нормы обычаем через ее применение, а также то обстоятельство, что в отличие от применения обычая как источника права принцип наиболее тесной связи выступает гибким коллизионным инструментом, снабжающим правоприменителя резервной коллизионной привязкой, позволяющей учесть специфику конкретного отношения, мы положительно оцениваем тенденцию — в отсутствие обычая, однозначно признанного согласно п. 1 ст. 1186 ГК РФ, — обращаться к принципу наиболее тесной связи согласно п. 2 той же статьи (что не исключает опоры на признанные в международных документах территориальные связи, если они отвечают специфике конкретного отношения).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Александров Н. Г.* Законность и правоотношения в советском обществе. — М. : Государственное издательство юридической литературы, 1955. — 176 с.
2. *Асланян Н. П.* Некоторые вопросы теории охранительных правоотношений // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы 3-й Ежегодной международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 19–20 сентября 2014 г.) / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. — Иркутск : Издательство БГУЭП, 2014. — С. 7–18.
3. *Асланян Н. П.* О состоянии теории охранительных правоотношений // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы 4-й Ежегодной международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 20 марта 2015 г.) / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. — Иркутск : Издательство БГУЭП, 2015. — С. 7–16.
4. *Асланян Н. П.* Развитие теории охранительного права // Эффективность права: проблемы теории и практики : материалы Международной научно-практической конференции (г. Краснодар, 10–11 октября 2014 г.). — Краснодар : Кубанский государственный университет, 2014. — С. 868–878.
5. *Асосков А. В.* Коллизионное регулирование договорных обязательств. — М. : М-Логос, 2017. — 640 с.
6. *Ерпылева Н. Ю.* Понятие, предмет и система международного частного права // Адвокат. — 2004. — № 6–9.
7. *Ерпылева Н. Ю., Гетьман-Павлова И. В.* Проблемы кодификации российского законодательства по международному частному праву // Адвокат. — 2008. — № 1.
8. *Зыкин И. С.* Обычаи и обыкновения в международной торговле // Юридические аспекты осуществления внешнеэкономических связей : Труды кафедры международного частного и гражданского права / Московский государственный институт международных отношений. — М., 1979. — С. 55–63.
9. *Иоффе О. С., Шаргородский М. Д.* Вопросы теории права. — М. : Государственное издательство юридической литературы, 1961. — 381 с.

²⁰ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 02.07.2014 № С01-471/2014 по делу № А40-56928/2004 // СПС «Гарант».

10. Канашевский В. А. Концепция бенефициарной собственности в российской судебной практике (частно-правовые аспекты) // Журнал российского права. — 2016. — № 9. — С. 27–38.
11. Канашевский В. А. О праве, применимом к офшорным трастам, и об их признании // Закон. — 2013. — № 4. — С. 63–67.
12. Кудашкин В. В. Принцип тесной связи в международном частном праве // СПС «КонсультантПлюс», 2004.
13. Кудашкин В. В. Принцип тесной связи в международном частном праве: теория и практика // Законодательство и экономика. — 2004. — № 9.
14. Международное частное право : учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой. — М. : Проспект, 2016. — 680 с.
15. Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права / под ред. О. Я. Баева. — Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1990. — 136 с.
16. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. — М. : Юрайт, 2020. — 170 с.
17. Новикова Т. В. К вопросу об охранительных правоотношениях в международном частном праве // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы 5-й Ежегодной международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 21 мая 2016 г.) / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. — Иркутск : Издательство БГУ, 2017. — С. 148–157.
18. Проблемы общей теории права и государства : учебник / под ред. В. С. Нерсисянца. — М. : Норма: Инфра-М, 2010. — 816 с.
19. Рамзайцев Д. Ф. О значении обычаев в международной торговле // Внешнеторговые обычаи : материалы к заседанию секции права Всесоюзной торговой палаты. — М. : Типография Всесоюзной торговой палаты, 1957. — С. 3–7.

Материал поступил в редакцию 21 июля 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aleksandrov N. G. Zakonnost' i pravootnosheniya v sovetskom obshchestve. — M. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1955. — 176 s.
2. Aslanyan N. P. Nekotorye voprosy teorii ohranitel'nykh pravootnoshenij // Zashchita chastnykh prav: problemy teorii i praktiki : materialy 3-j Ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Irkutsk, 19–20 sentyabrya 2014 g.) / pod red. N. P. Aslanyan, Yu. V. Vinichenko. — Irkutsk : Izdatel'stvo BGUEP, 2014. — S. 7–18.
3. Aslanyan N. P. O sostoyanii teorii ohranitel'nykh pravootnoshenij // Zashchita chastnykh prav: problemy teorii i praktiki : materialy 4-j Ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Irkutsk, 20 marta 2015 g.) / pod red. N. P. Aslanyan, Yu. V. Vinichenko. — Irkutsk : Izdatel'stvo BGUEP, 2015. — S. 7–16.
4. Aslanyan N. P. Razvitie teorii ohranitel'nogo prava // Effektivnost' prava: problemy teorii i praktiki : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Krasnodar, 10–11 oktyabrya 2014 g.). — Krasnodar : Kubanskij gosudarstvennyj universitet, 2014. — S. 868–878.
5. Asoskov A. V. Kollizionnoe regulirovanie dogovornykh obyazatel'stv. — M. : M-Logos, 2017. — 640 s.
6. Erpyleva N. Yu. Ponyatie, predmet i sistema mezhdunarodnogo chastnogo prava // Advokat. — 2004. — № 6–9.
7. Erpyleva N. Yu., Get'man-Pavlova I. V. Problemy kodifikatsii rossijskogo zakonodatel'stva po mezhdunarodnomu chastnomu pravu // Advokat. — 2008. — № 1.
8. Zykin I. S. Obychai i obyknoveniya v mezhdunarodnoj torgovle // Yuridicheskie aspekty osushchestvleniya vneshneekonomicheskikh svyazey : Trudy kafedry mezhdunarodnogo chastnogo i grazhdanskogo prava / Moskovskij gosudarstvennyj institut mezhdunarodnykh otnoshenij. — M., 1979. — S. 55–63.
9. Ioffe O. S., Shargorodskij M. D. Voprosy teorii prava. — M. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1961. — 381 s.

10. Kanashevskij V. A. Konceptiya beneficiarnoj sobstvennosti v rossijskoj sudebnoj praktike (chastnopravovye aspekty) // Zhurnal rossijskogo prava. — 2016. — № 9. — S. 27–38.
11. Kanashevskij V. A. O prave, primenimom k ofshornym trastam, i ob ih priznanii // Zakon. — 2013. — № 4. — S. 63–67.
12. Kudashkin V. V. Princip tesnoj svyazi v mezhdunarodnom chastnom prave // SPS «Konsul'tantPlyus», 2004.
13. Kudashkin V. V. Princip tesnoj svyazi v mezhdunarodnom chastnom prave: teoriya i praktika // Zakonodatel'stvo i ekonomika. — 2004. — № 9.
14. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo : uchebnik / pod red. G. K. Dmitrievoy. — M. : Prospekt, 2016. — 680 s.
15. Motovilovker E. Ya. Teoriya regul'yativnogo i ohranitel'nogo prava / pod red. O. Ya. Baeva. — Voronezh : Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1990. — 136 s.
16. Muromcev S. A. Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava. — M. : Yurajt, 2020. — 170 s.
17. Novikova T. V. K voprosu ob ohranitel'nyh pravootnosheniyah v mezhdunarodnom chastnom prave // Zashchita chastnyh prav: problemy teorii i praktiki : materialy 5-j Ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Irkutsk, 21 maya 2016 g.) / pod red. N. P. Aslanyan, Yu. V. Vinichenko. — Irkutsk : Izdatel'stvo BGU, 2017. — S. 148–157.
18. Problemy obshchej teorii prava i gosudarstva : uchebnik / pod red. V. S. Nersesyanca. — M. : Norma: Infra-M, 2010. — 816 s.
19. Ramzajcev D. F. O znachenii obychaev v mezhdunarodnoj torgovle // Vneshnetorgovye obychai : materialy k zasedaniyu sekcii prava Vsesoyuznoj torgovoj palaty. — M. : Tipografiya Vsesoyuznoj torgovoj palaty, 1957. — S. 3–7.